

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

Русский репортёр №7

Пьеса написана по журналу «Русский репортёр» №7 (17-31 марта 2016 года).

Теннисистка - Лена

Космонавт – Григорий

Шахтёр – Серёжа

Оскорбляющий – Сераж

Няня – Марина

1.

Подземный город. Режим «Каталог».

ГРИГОРИЙ. «Интерстеллар» я смотрел ещё до полёта, «Марсианин» в полёте. Очень впечатлил, хороший фильм! В «Гравитации» много спецэффектов, притянутых за уши вещей. Но тем не менее свою задачу все эти картины выполняют: мальчишки смотрят и хотят полететь в космос.

ЛЕНА. У любого медикамента должна быть доказательная база, у мельдония она минимальна, потому что препарат советский. Клинические испытания он почти не проходил или не проходил вовсе. Препарат советский. Советский.

СЕРАЖ. В декабре минувшего года во время поста священник Всеволод Чаплин, тогда ещё главный спикер РЦП, зашёл пообедать в «Макдоналдс». Заказал бургер, достал планшет и начал трапезу. Тут-то известную персону и заметили внимательные петербуржцы. В своём жж я опубликовал коллаж, в котором за спиной обедающего священника стоит Иисус Христос. И обвинил Чаплина в баблугодии. В ответа прихожане того храма, где Чаплин настоятель, подали на меня в суд.

МАРИНА. Я специально хотела понять, кто такой шахид. Это если ты жертвуешь собой, спасая другого. А эта женщина никого не спасла. Зачем она это сделала? Раньше безумцами управляли бесы, потом инопланетяне, теперь террористы? Я чувствую всё время, будто я тоже виновата. Ведь я работаю няней. Это нелегко. Хотя, в семье, где я работала, меня поддержали, но это нелегко. Все как будто смотрят на тебя с подозрением.

СЕРЁЖА. Это случилось в начале смены. Всё было нормально, мы только разделись и собрались работать – и вдруг хлопок. Нормальный такой, сильный хлопок. И сотрясение. Хлопок. И сотрясение.

2.

В ячейке №409 идёт собрание.

ЛЕНА. Ну что, давайте знакомиться, я – глава ячейки №409, меня зовут Теннисистка, у нас тут приняты новые имена, и администрация настаивает, чтобы мы привыкали. Давайте каждый своё имя назовёт.

ГРИГОРИЙ. Космонавт.

СЕРЁЖА. Шахтёр.

МАРИНА. Няня.

СЕРАЖ. Оскорбляющий. Но я против. Причастие не может быть именем.

ЛЕНА. Это новая реальность, новая. Хорошо, теперь давайте каждый расскажет немного о своей прошлой жизни. Начнём с Космонавта.

ГРИГОРИЙ. Я летал в космос. Вернулся из долгой миссии – год провёл на МКС. Мы с американским космонавтом Скоттом Келли собирали данные об экспедициях на Марс.

СЕРЁЖА. Воркута. Добывал уголь.

МАРИНА. Москва, работала няней. Стресс большого города...

ЛЕНА. Об этом позже. Вы?

СЕРАЖ. Оскорблял чувства верующих.

ЛЕНА. Отлично. Ну а я играла в теннис. И вот мы все теперь очутились в этом прекрасном подземном городе-каталоге.

ГРИГОРИЙ. Прекрасном?

СЕРАЖ. Я бы лучше выбрал подземный город в Мирном – там стеклянный купол, свои сады, оранжереи и так далее.

ЛЕНА. Там воняет сероводородом, говорят. В любом случае, распределение по городам – не наша компетенция.

СЕРАЖ. А чья?

ЛЕНА. Иммунитета, конечно. Мы выбраны нашим государственным иммунитетом и помещены сюда, в этот современный подземный город-каталог. Режим каталога включается не очень часто – в остальное время мы все абсолютно свободны, как на курорте.

ГРИГОРИЙ. Раньше здесь была штольня?

ЛЕНА. Да, какие-то полезные ископаемые добывали.

СЕРЁЖА. Уголь.

СЕРАЖ. А в Мирном алмазы. Хотя, это одно и то же, говорят.

СЕРЁЖА. Углероды. Алмазами тоже топить можно.

ЛЕНА. Пайки три раза в день, ведро горячей воды в сутки, «Жизнь мозга» без ограничений.

ГРИГОРИЙ. Жизнь мозга?

ЛЕНА. Название волн. Включаете прибор и живёте любой жизнью. Можно просто потреблять – там вся музыка, всё кино, все спектакли. Можно участвовать – во всём, и спорт тоже там, и любая человеческая деятельность. Можно изобретать лекарства, протезы, строить мосты – всё, о чём мечталось. И вы можете, кстати, выходить в космос. Круглосуточно. Там есть такая программа, в новой версии «Жизни мозга». Главное, не забывать есть. А то уже были случаи.

МАРИНА. Что, можно похудеть?

ЛЕНА. Ещё как. Отсутствие стресса, насыщенная жизнь – и некоторые люди забывают питаться, приходится к капельницам подключать. Один даже умер от такой яркой жизни. Так что теперь во время выдачи пайков отключают электричество, чтобы все вышли из «Жизни мозга».

МАРИНА. А это не опасно? Мне сказали, что мы тут в безопасности, а вы говорите...

ЛЕНА. Воздух и электричество будут всегда, для этого придуманы разные умные инженерные решения. Ну что ж, основной инструктаж закончен. Помните, что мы – ячейка №407.

ГРИГОРИЙ. Да уж, забудешь – бирка на шее.

СЕРАЖ. А когда мы отсюда выйдем?

ЛЕНА. Это известно только иммунитету. Он непрерывно сканирует нас, и в случае, если в нас возникнет потребность в наземном мире – мы там появимся.

СЕРАЖ. А если не возникнет?

ЛЕНА. Увидимся во время выдачи вечернего пайка. Расходимся в одиночные комнаты.

3.

Дневная выдача пайка в ячейке №409, все едят за длинным столом, протянутым вдоль стены. Серажу не нравится сидеть как все лицом к стене, он отодвигает стол и ставит табуретку напротив Серёжи. Лена недовольна, но ничего не говорит. Из потолка играет AC/DC The Razor's Edge.

СЕРАЖ. Ну что, мужик, как дела?

СЕРЁЖА. «Мы - гордость великой страны».

СЕРАЖ. Ты чё, мужик? Гонишь?

СЕРЁЖА. Программа так называется, не подключался что ли?

СЕРАЖ. А, ты вот о чём. Нет. Я начал с коньяков сразу. Пробовал, пробовал, аж замутило. Ну классно, чё – отключили и снова трезвый как огурец. Думаю после ужина виски взять. Там больше 10 тысяч наименований.

СЕРЁЖА. А я опять «Гордость» врублю. Там, бля, шпионов судят. Вредителей. Как раз выключилось на казни. Досмотрю.

Сераж отодвигается от Серёжи, придвигается к Григорию.

СЕРАЖ. Ну что, брат, как дела?

ГРИГОРИЙ. Норм, до обеда на Марсе побывал, теперь на Венеру полечу.

СЕРАЖ. Это дело, дело. Я, вот, до обеда с пятью негритянками, после обеда хочу пару десятков успеть. Они там одна другой лучше.

ГРИГОРИЙ. Каждый из нас свободен. Дух парит, где хочет. А жизнь тела, что, биология, разложение. Что хорошего тут, на Земле? Но у нас есть космос.

СЕРАЖ. Одна была – космические сиськи, просто космические. Знаешь, ареола как млечный путь. Припухлость такая живая. Сосок – как взлёт космического корабля, стремительный, мощный.

ГРИГОРИЙ. Ну это скоро пройдёт, просто ты молодой, глупости в голове. А потом неинтересно станет.

СЕРАЖ. Слушай, а как ты думаешь, тут, ну, в реале можно, ну, с женщиной побыть?

ГРИГОРИЙ. В реале? Зачем?

СЕРАЖ. Ну, понимаешь, хочется так олдово, как раньше. Вот с теннисисткой я бы того.

ГРИГОРИЙ. Она вообще как робот.

СЕРАЖ. Как у тебя на роботов, кстати? Стоит? Ты ж там в космосе сколько времени.

ЛЕНА. Контакты не должны быть в ущерб пищеварению. Разговаривайте меньше.

СЕРАЖ. Да мы раз пищеварение обсуждаем и другую физиологию.

Григорий отодвигается от Сеража, тогда Сераж придвигается к Марине.

МАРИНА. Не сверлите меня взглядом.

СЕРАЖ. Я вообще мотылёк в каталоге.

Сераж надевает тёмные очки.

МАРИНА. Мы тут в безопасности, как считаете?

СЕРАЖ. Считаю так: раз, два, три...

МАРИНА. Очень смешно.

СЕРАЖ. Конечно, в безопасности. Стены толстые. Если там, наверху, ядерная война – мы не пострадаем. Они там все погибнут, но каталог выживет, ведь мы избраны нести свою ДНК в будущее.

МАРИНА. Я проанализировала риски. Действительно, здесь довольно безопасное место. Тут нет автомобильных аварий, нет авиакатастроф. Нет эпидемий. Не ворвутся террористы. Но! Но один кто-то может стать террористом. Кто-то один – раз, и отрежет тебе голову, внезапно. Может, помутнение рассудка, или задание оттуда, ну, оттуда, чтобы дестабилизировать ситуацию у нас в стране, ну, то есть в городе-каталоге.

СЕРАЖ. Кто же это может быть, давайте подумаем.

МАРИНА. Я внимательно смотрю всем в глаза. И я вам скажу – вот этот космонавт подозрительный.

СЕРАЖ. Он? А что такое с ним?

МАРИНА. Он нервно дышит. Поздоровайтесь с ним за руку – она мокрая скорее всего. Ну вот проверьте, поздоровайтесь. Не буду же я руку тянуть, так не принято. А если вы протянете – это будет как бы нормально.

Сераж подходит к Григорию и внезапно жмёт ему руку, трясёт её долго.

ЛЕНА. Давайте не будем тут устраивать самовольные хождения.

СЕРАЖ. А что, это запрещено?

ЛЕНА. Нет. Но и нет информации, что можно.

СЕРАЖ. Ну значит, можно.

ГРИГОРИЙ. Послушайте, как вас там?

СЕРАЖ. Сераж. Но теперь Оскорбляющий.

ГРИГОРИЙ. Вы оторвёте мне руку.

СЕРАЖ. Ну и зачем вам рука? В настоящий космос вы всё равно не полетите, да и вряд ли выйдете на поверхность отсюда. А «Жизнь мозга» можно включать одним пальцем. И даже пальцем ноги. Или языком. Теоретически, можно без рук и ног жить насыщенной жизнью.

ГРИГОРИЙ. Послушайте, да отпустите уже!

СЕРАЖ (*Марине*). Он нервно дышит! И у него мокрая рука! Да!

ЛЕНА. Прекратите немедленно! Сейчас придёт охрана!

СЕРЁЖА. Да они гомики просто. Сцепились кобельки.

СЕРАЖ. Что-то свет замигал.

ЛЕНА. Ну вот, они включают нам режим «Ката..»

Режим «Каталог».

ГРИГОРИЙ. Все космонавты, наверное, испытывают радость при возвращении в семью, встрече с друзьями. А что касается философских мыслей, они приходят скорее на орбите, когда мы смотрим, что люди творят с Землёй. Всем скопом мы рубим сук, на котором сидим, и это плохо. Пора уже задуматься, что всем нам нужно наш общий дом беречь, а не воевать в нём. Беречь, а не воевать. Беречь, а не воевать.

ЛЕНА. Он дешёвый, продаётся в ампулах или капсулах белого цвета. Никакого вреда мельдоний принести не может – проверено, наверное, на миллионах пациентов. А пользу если и приносит, то минимальную. Его эффективность приближается к святой воде.

СЕРАЖ. Мэрилин Мэнсон решил дать концерт в Новосибирске летом 2014 года. Новосибирские активисты обратились к мэру: мол, не пусти, батюшка, супостата в край родимый! Мэр Анатолий Локоть объяснил, что не имеет таких полномочий, но после того, как активисты сорвали выступление польской метал-группы Behemoth, концерт Мэнсона всё же отменил. Этим я возмутился на своей стене в соцсети. В итоге прокуратура занялась не активистами, а мной.

МАРИНА. Вспомните историю двадцатого века – непрерывный геноцид. Мы знаем, сколько людей убивали с особой жестокостью, без разбора – в том числе детей, старушек. Убивали психически здоровые люди. Но если это совершает государство, мы не считаем, что это террор. Но если убийство совершает один человек, и он другой национальности, то мы называем его террористом.

СЕРЁЖА. Идти было тяжело: задымление сильное, да и шли по продуктам взрыва. Нам повезло, конечно, что мы были не в эпицентре. Могли бы там остаться. Нас восемьдесят вышло, а всего сто десять в шахте было. Двадцать шесть в шахте осталось. А потом ещё взрыв был и ещё шесть осталось там из горно-спасательной. Потом тридцать шесть погибших насчитали.

5.

Вечерняя выдача пайка в ячейке №409, все, кроме Сеража, едят за длинным столом, протянутым вдоль стены. Сераж сидит на табуретке в углу, не за столом, ему не очень удобно так есть. Он садится к столу напротив Лены. Лена недовольна, но ничего не говорит. Из потолка играет Yello Touch Yello.

СЕРАЖ. Ну что мы хмурим бровки?

ЛЕНА. Прекратите фамиллярничать.

СЕРАЖ. А, мы на «вы», а я думал, в ячейке всё по-семейному. Вчера перестукивался с соседями, с ячейкой №410. И что вы думаете? Они там сексом занимаются все.

ЛЕНА. Какая ерунда!

СЕРАЖ. Да, полная ерунда, но занимаются всё равно. Это фантомная привычка. Как и есть вместе. Или смотреть вверх, как будто там небо.

ЛЕНА. Что вам мешает? Включил «Жизнь мозга» и пожалуйста – любое небо.

СЕРАЖ. Я вчера стоял около вашей одиночной камеры.

ЛЕНА. Одиночной комнаты!

СЕРАЖ. Ну можно и так сказать. Так вот, вы так сладко стонали там. С кем-то. *(изображает стон)*. С кем? С Космонавтом, надеюсь, не Шахтёром же? Или с членом другой ячейки? Кстати, это разрешено?

ЛЕНА. Какая ерунда! Я играла в теннис! Вы сбрендили?

СЕРАЖ. В теннис?

ЛЕНА. В теннис! Я всегда кричу на подачах. *(изображает стон)*.

СЕРАЖ. Вот это да.

ЛЕНА. И вообще, хватит уже, если вы так дальше себя будете вести, вас изолируют.

СЕРАЖ. Куда? Мы и так под землёй.

ЛЕНА. Да просто возьмут на топливо. Всё органическое горит и образует тепло. Жар.

СЕРАЖ. Как вы страстно говорите об этом. А вот, кстати, о теннисе. Вам не нужны болельщики? Я бы хотел присутствовать на матче.

ЛЕНА. Вам, кажется, велели сидеть в углу, отдельно.

СЕРАЖ. Кто велел?

ЛЕНА. Инструкция.

СЕРАЖ. Инструкция – это такая специальная вещь, чтобы нарушать. Вот вы же нарушили инструкцию – или как там называется эта штука про допинг. Кстати, давайте дерябнем мельдония перед тем, как сгореть. У вас же есть с собой?

ЛЕНА. И кстати, не врите, что вы перестукивались с другой ячейкой. Это невозможно.

СЕРАЖ. Невозможно? Почему?

ЛЕНА. Все ячейки строго изолированы друг от друга. Между ячейками пустота.

СЕРАЖ *(ко всем)*. И мы терпим это! Нас замуровали заживо! Люди! И мы молчим как кролики?!

СЕРЁЖА. Работать не надо, рисковать жизнью не надо. Ковыряться в угле этом, все лёгкие забил, гори оно... Оно и горит. Метан когда загоняют, он десятилетиями под землёй гореть может. Где-то там. А тут второй сезон начался у «Гордости», новых шпионов ловят, казнят, там новые орудия пыток, исторические, познавательные. Триста сезонов загрузил, а сколько их там ещё. За всю жизнь не пересмотришь. Песни про победу слушаю, понимает, и подпевать можно, и водка любая, текила, бренди – сразу в мозг, никакого цирроза. Так что нормально всё, парень, не психуй.

ГРИГОРИЙ. Нас замуровали, чтобы спасти. Мы ценные. Мы семена, которыми будет засеяна вселенная, другие планеты. Мы новую расу начнём, новое человечество.

МАРИНА. У меня давление тут лучше, спокойнее как-то стало. Но всё равно небезопасно, конечно. Даже вилкой можно человеку глаз выколоть. Или вдруг короткое замыкание, и всё, кислорода нет, темнота. Хотя я инструкцию читаю по утрам и вечерам, как молитву – там сказано, что свет и воздух будут всегда, не кончатся они. Главное, инструкцию читать.

ЛЕНА. Ну вот, видите? Все довольны. Всех всё устраивает. И только вы сеете панику. Что-то с вами не так, Оскорбляющий.

МАРИНА. Так, может, он помешался?

Сераж берёт вилку и косится на Марину, Марина напрягается.

СЕРАЖ. Меня Сераж зовут, называйте меня по-старому.

ЛЕНА. Ваше личное имя не имеет значения. Вы теперь в каталоге.

СЕРЁЖА. Давайте уже по комнатам, чё время терять на болтовню?

ЛЕНА. Вообще-то, Шахтёр, в нашей ячейке я руководитель, так что давайте без «давайте».

СЕРЁЖА. Да ты мне, длинноногая, в дочки годишься, руководитель она. Мы таких руководителей в шахте на жувачку прилепляли, в раздевалке. И чтобы сиськи побольше.

Сераж берёт табуретку и обрушивает её на Серёжу, потом разбивает лампы и херачит стены из гипсокартона. Марина кричит, мужчины немножко стонут от напряжения момента, но не замечают этого. Темно.

6.

Режим «Каталог».

СЕРАЖ. Приговорил. Оскорбил. Прокомментировал. Лишить и передать. Назвал и уточнил. Привести не позволяет, реагировал. Не перестал, где комментирует.

ЛЕНА. Короткое. Сердечно-сосудистой, на непродолжительное. Зелёный, какой-то другой. Микроскопическая, запрещённых – маловероятен. Минимального. Смягчающие – реально. Ну и третий – повторный: системные, российский.

СЕРЁЖА. Кто в аварии, катаклизм, не выброс газа. Вопрос – соблюдение техники безопасности, вмешательство в работу датчиков-газоанализаторов. Маневры, в шахте, количество газа. Вопрос в связи с гибелью людей, поводом для спекуляций, обвинений и теорий заговора.

МАРИНА. Муляж. У метро. Выкрикивала. Закидывала. Неадекватное. Озлобленности. Бронежилет. ОМОН.

ГРИГОРИЙ. 106/511, 2, 516 суток, 10 часов, 43 секунды, 12 часов 17 минут.

7.

Остров, плодовые деревья, волны. На травке греются Сераж и Лена, Лена читает какой-то обгорелый журнал.

СЕРАЖ. Костёр разведём. Растопим твоей макулатурой.

ЛЕНА. Не надо трогать мой журнал. Там на тридцать пятой странице Байкал и костёр готовый.

СЕРАЖ. Не хочу на тридцать пятую страницу, там комары и в Байкале вода холодная. Туристы орут. Давай лучше здесь останемся, ну или в Латинскую Америку уйдём, это через пять страниц.

ЛЕНА. Слушай, ну ты так совсем связь с реальностью теряешь. Я хоть могу журнал перечитывать.

СЕРАЖ. Сколько можно, Лен?

ЛЕНА. Надо понимать действительность, а не только туристический каталог, в котором мы оказались.

СЕРАЖ. Бог есть.

ЛЕНА. Вон я читаю – журналистов избили на границе Ингушетии и Чечни.
СЕРАЖ (*заглядывая в журнал*). Театр Российской армии. Три дэ шоу-мюзикл Пола Негри.

ЛЕНА. Да ты не на Гошу Куценко, ты выше смотри.

СЕРАЖ (*переворачивает страницу*). «Почему в России можно изымать органы погибших, не спрашивая разрешения родственников». Маза фака. Не могу.

ЛЕНА. Не могу. Мой тренер бы не понял. Не могу? Через не могу. Зубы сжал и вперёд.

СЕРАЖ. Я отказываюсь покидать семьдесят восьмую страницу туристического каталога.

ЛЕНА. А давай я вслух тебе почитаю? М? Там не страшно, историческое.

СЕРАЖ. Всё историческое в России – это страшно.

ЛЕНА (*читает*). «Тридцать первого декабря газета «Куранты» порадовала своих читателей новогодним прогнозом астролога Павла Глобы: «Хуже, чем будет в 1992, не было никогда». Всего через два дня многие читатели уверовали, что звёзды не врут».

СЕРАЖ. Всё, хватит, больше не могу.

ЛЕНА. Ну ладно-ладно, гипсокартоновый разрушитель.

СЕРАЖ. Гипсокартоновый? Я разрушил систему, обманул иммунитет.

ЛЕНА. Лампочки перебил. А почему ты меня схватил?

СЕРАЖ. Ляжки красивые у тебя, бегаешь быстро, спортсменка. А почему побежала со мной?

ЛЕНА. Давно не бегала в реале, хотела размяться.

СЕРАЖ. Шахтёр, конечно, не побежал никуда, ему подземелье дом родной. Космонавта жалко, нормальный мужик, может тоже выбрался, кстати. Ну и няня – я бы взял, но у неё лишний вес, одышка.

ЛЕНА. Your time is now – часы рекламируют.

СЕРАЖ. Мы же как Адам и Ева в райском саду.

ЛЕНА. Не, ну Лейбин шнягу какую-то про Донбасс пишет.

СЕРАЖ. Мы же как Адам и Ева. Иди рви плоды, Ева. И мне приноси.

ЛЕНА. Сам иди, я недавно ходила.

СЕРАЖ (*заглядывает в журнал*). «Хорошие новости» - ну наконец-то в твоём журнале хорошие новости.

ЛЕНА. Да это про спектакль в Прокопьевске каком-то.

СЕРАЖ. Всё, давай целоваться.

ЛЕНА. «С чистого листа», сериал.

Откуда-то с неба звучит музыка с альбома Wagner: Reloaded группы Apocalyptic.